

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПО ДЕЛУ

Бухарина Н. И., Рыкова А. И., Ягоды Г. Г., Крестинского Н. Н., Раковского Х. Г., Розенгольца А. П., Иванова В. И., Чернова М. А., Гринько Г. Ф., Зеленского И. А., Бессонова С. А., Икрамова А., Ходжаева Ф., Шаранговича В. Ф., Зубарева П. Т., Буланова П. П., Левина П. Г., Плетнева Д. Д., Казакова И. Н., Максимова-Диковского В. А. и Крючкова П. П.,

обвиняемых в том, что они по заданию разведок враждебных к Советскому Союзу иностранных государств составили заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок», поставившую своей целью шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, провокацию военного нападения этих государств на СССР, расчленение СССР и отрыв от него Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана, Приморья на Дальнем Востоке — в пользу упомянутых иностранных государств, наконец, свержение в СССР существующего социалистического общественного и государственного строя и восстановление капитализма, восстановление власти буржуазии.

Произведенным органами НКВД расследованием установлено, что по заданию разведок враждебных к СССР иностранных государств, обвиняемые по настоящему делу организовали заговорщическую группу под названием «право-троцкистский блок», поставившую своей целью свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя, восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии, расчленение СССР и отторжение от него в пользу указанных выше государств Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана и Приморья.

Следствием установлено, что «право-троцкистский блок» объединял в своих рядах подпольные антисоветские группы троцкистов, правых, зиновьевцев, меньшевиков, эсеров, буржуазных националистов Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана, Средне-Азиатских республик, что подтверждается материалами не только настоящего следствия, но и материалами судебных процессов, прошедших в разных местах в СССР и, в частности, судебных процессов по делу группы военных заговорщиков — Тухачевского и других, осужденных оппозиционных приустьем Верховного Суда СССР 11 июля 1937 года, и по делу группы грузинских буржуазных националистов Мдивани, Окуаза и др., осужденных Верховным Судом Грузинской ССР 9 июля 1937 года.

Лишенные всякой опоры внутри СССР, участники «право-троцкистского блока» все свои надежды в борьбе против существующего в СССР общественного и государственного социалистического строя и за захват власти возлагали исключительно на вооруженную помощь иностранных агентов, обещавших оказать заговорщикам эту помощь на условиях расчленения СССР и отторжения от СССР Украины, Приморья, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении и Азербайджана.

Такое соглашение «право-троцкистского блока» с представителями указанных выше иностранных государств обещало тем, что многие руководящие участники этого заговора являлись давними агентами иностранных разведок, осуществлявшими в течение многих лет шпионскую деятельность в пользу этих разведок.

Это прежде всего относится к одному из организаторов заговора — врагу народа Троцкому. Его связь с гестапо была неоднократно доказана на процессах троцкистско-зиновьевского террористического центра в августе 1936 года и антисоветского троцкистского центра в январе 1937 года.

Однако, имеясь в распоряжении следствия по настоящему делу материалы, устанавливающие, что связь врага народа Троцкого с немецкой политической полицией и разведками других стран относится к значительно более раннему периоду времени. Следствием точно установлено, что Троцкий был связан с германской разведкой уже в 1921 г. и с английской «интеллигентно-сервис» с 1926 года.

Что касается привлеченных по настоящему делу, то значительная часть этих обвиняемых по их собственному признанию являлись шпионами-агентами иностранных разведок уже длительное время.

Так, обвиняемый Крестинский Н. Н. по прямому заданию врага народа Троцкого вступил в изменническую связь с германской разведкой в 1921 году.

Обвиняемый Резенгольц А. П. — один из руководителей троцкистского подполья, начал свою шпионскую работу для германского генерального штаба в 1923 го-

ду, а для английской разведки — в 1926 году.

Обвиняемый Раковский Х. Г. — один из ближайших и особо доверенных людей Л. Троцкого, являлся агентом английской «интеллигентно-сервис» с 1924 года и японской разведки с 1934 года.

Обвиняемый Чернов М. А. начал свою шпионскую работу в пользу Германии в 1923 году, связавшись с германской разведкой по инициативе и при содействии не безызвестного эмигранта — меньшевика Дана.

Обвиняемый Шарангович В. Ф. был завербован и переброшен польской разведкой для шпионской работы в СССР в 1921 году.

Обвиняемый Гринько Г. Ф. стал шпионом германской и польской разведки в 1932 году.

Руководители «право-троцкистского блока», в том числе обвиняемые по настоящему делу Рыков, Бухарин и другие были полностью осведомлены о шпионских связях своих соучастников и сознательно поощряли расширение этих шпионских связей.

Все это достаточно объясняет, почему эти господа, состоявшие на службе иностранных разведок, с такой легкостью шли на расчленение СССР и отторжение целых областей и республик в пользу иностранных государств.

Соглашение «право-троцкистского блока» с иностранными разведками также объясняется и тем, что некоторые из обвиняемых по настоящему делу заговорщиков являлись провокаторами и агентами царской охраны.

Пробравшись на ответственные посты в Советском государстве, эти провокаторы, однако, не переставали опасаться расчленения своих преступлений против рабочего класса, против дела социализма. Ослабленные постоянным страхом своего расчленения, эти участники заговора видели свое единственное спасение в свержении советской власти, ликвидации советского строя, восстановлении власти помещиков и капиталистов, в интересах которых они продолжали царской охране и при которой они только и могли чувствовать себя вне опасности.

Так, обвиняемый Зеленский И. А. являлся агентом Самарского жандармского управления с 1911 года. С того времени Зеленский под кличкой «Откастыль» и «Салаф» систематически инфильтрировал жандармское управление о деятельности самарской организации большевиков, получая за это регулярное ежемесячное денежное вознаграждение.

Обвиняемый Иванов свою провокаторскую деятельность начал с 1911 года, когда был завербован тульской охранкой и стал агентом охраны под кличкой «Самарин».

Обвиняемый Зубарев был завербован царской полицией в 1908 году и сотрудничал в ней под кличками «Васильев», «Палин» и «Прохор».

Как установлено следствием, для достижения своих преступных целей по свержению советского правительства, захвату власти и восстановлению капитализма в СССР заговорщики, по прямым указаниям иностранных разведок, вели широкую шпионскую работу в пользу этих разведок, организовывали и осуществляли вредительские и диверсионные акты в целях обеспечения поражения СССР в предстоящем нападении на СССР фашистских агрессоров, всячески провоцировали ускорение этого нападения фашистских агрессоров, а также организовали и осуществили ряд террористических актов против руководителей партии, правительства и выдающихся советских деятелей.

1. Шпионаж против советского государства и измена родине

Следствием установлено, что большинство из названных «право-троцкистского блока», обвиняемых по настоящему делу, осуществляло свою преступную деятельность по прямому указанию Троцкого и по планам, широко задуманным и разработанным в генеральных штабах некоторых иностранных государств.

Агент германской разведки — видный троцкист обвиняемый Крестинский, на допросе в Прокуратуре Союза ССР 2 декабря 1937 года, заявил:

«На шпионскую связь с немцами я пошел по прямому заданию Троцкого, который поручил мне начать по этому поводу переговоры с генералом Сентом...»

(т. III, л. д. 102).

Басаясь обстоятельством установления связей троцкистской организации с немецкой разведкой, обвиняемый Крестинский показал, что он зимой 1921 года вел с командующим германскими рейсвером гене-

ралом Сентом переговоры о получении от рейсвера денежных средств для ведения троцкистской подпольной работы взамен предоставления проклятому немецкой разведке шпионских материалов.

Обвиняемый Крестинский по этому поводу показал:

«...Троцкий поручил мне по приезде в Берлин завязать по этому вопросу переговоры с генералом Сентом. Эту директиву Троцкого я выполнял...»

(т. III, л. д. 14 об.).

Обвиняемый Крестинский, говоря далее о своей в своих сообщениях изменнической деятельности, показал:

«О генералах Сентом и Хессе мы договорились о том, что будем содействовать рейсверу в создании на территории СССР ряда опорных разведывательных пунктов, путем беспрепятственного пропуска командированных рейсвером разведчиков и что мы будем снабжать рейсвер разведывательными

материалами, т. е. попросту говоря, будем немецкими шпионами. За это рейсвер обещал ежегодно выплачивать 250 тысяч марок в виде субсидии на к.-р. троцкистскую работу...»

(т. III, л. д. 102).

«Выплата денежных субсидий производилась регулярно, частыми, несколько раз в год, главным образом, в Москве и в Берлине...»

В Берлине эти деньги, когда их по тем или иным причинам не выплачивали в Москве, получали и непосредственно от Сента, обычно отсылали в Москву сам в передаточном документе...»

(т. III, л. д. 15).

Другой видный троцкист, один из руководителей антисоветского троцкистского подполья и активный участник заговора, обвиняемый Розенгольц, упомянутый в шпионаже, подтвердив на следствии факт соглашения Троцкого с рейсвером, показал:

«Моя шпионская деятельность началась еще в 1923 году, когда по директиве Троцкого я перешел из секретных данных командующему рейсвером Сенту и началу немецкого генштаба Хассе. В дальнейшем по моей непосредственной связи... посол в СССР г-н Н., которому я периодически передавал сведения шпионского характера. После отъезда г-на Н. я продолжал шпионскую связь с новым послом г-на...»

(т. VI, л. д. 131 об.).

После фашистского переворота в Германии шпионская работа троцкистов приняла еще более широкий и резко выраженный порождающий характер.

Обвиняемый Бессонов, по его собственному признанию, принимавший активное участие в целенаправленных переговорах троцкистов с германскими фашистскими, преимущественно военными кругами о совместной борьбе против СССР, не только лично вел переговоры о поддержке антисоветского заговора с ближайшим сотрудником Рюбенберга во внешне-политическом отделе фашистской партии Дайцем, но и был в курсе встреч и переговоров Л. Троцкого с Гессом, Нидермайером и проф. Хаусховером, с которыми Л. Троцкий и достиг соглашения на условиях, о которых говорил Пятанов на судебном процессе по делу антисоветского троцкистского центра.

Обвиняемый Бессонов показал, что:

«...Как видно из этих условий... центр тяжести подпольной работы троцкистов переносился на подпольные шпионские, диверсионные и террористические акты внутри СССР...»

(т. XI, л. д. 106).

Наличие соглашения Л. Троцкого и троцкистской организации в СССР с фашистскими кругами и проведение в СССР подпольной порождающей работы по указаниям германской разведки, признали на следствии и другие обвиняемые по настоящему делу.

Однако, связывая с германским фашизмом порождающую работу троцкистских наместников не ограничивались. Они вместе с другими участниками антисоветского заговора, в соответствии с линией Л. Троцкого, ориентировались и на другого фашистского агрессора — Японию.

Фактическая сторона изменнических отношений антисоветских заговорщиков с японской разведкой представляется по материалам следствия в таком виде.

Как показал обвиняемый Крестинский, во время свидания с Л. Троцким в Мераме, в октябре 1933 года, Троцкий ему заявил о необходимости установления более тесной связи с японской разведкой.

Это указание Троцкого было Крестинским передано Пятанову и другим главарям заговора, которые через обвиняемого Раковского и других участников заговора вошли в изменнические сношения с представителями Японии, обязавшимися оказать заговору вооруженную помощь в свержении Советской власти, взамен чего заговорщики обещали отдать Японии советское Приморье.

Как установлено следствием, обвиняемый Раковский в связи с его пребыванием в Японии летом 1934 года получил от Пятанова указание о том, что —

«...нужно усилить одновременно и внешнюю деятельность в смысле контакта с враждебными СССР правительствами... Надо попытаться использовать поездку в Токио и что, вероятно, предпримет необходимые шаги в этом направлении...»

(т. IV, л. д. 194).

Это поручение обвиняемый Раковский выполнил и, находясь в Токио, действительно установил преступную связь с... кругами.

По этому поводу обвиняемый Раковский показал:

«Все эти обстоятельства имели своим логическим и практическим последствием тот факт, что я... стал со времени

моего пребывания в Токио прямым агентом — шпионом... будучи завербован для этой цели, по поручению... правительства г-ном Н., вышестоящим политическим деятелем империалистско-фашистской Японии и одним из крупнейших ее плутократов...»

(т. IV, л. д. 186).

Тот же обвиняемый Раковский, говоря о связи врага народа Л. Троцкого с английской разведкой, показал:

«Троцкий, как мне было известно, являлся агентом «интеллигентно-сервис» с конца 1926 года. Об этом мне сообщил сам Троцкий...»

(т. IV, л. д. 363).

Входящие в состав «право-троцкистского блока» группы буржуазных националистов, также были теснейшим образом связаны с иностранными разведками.

Так, обвиняемый Гринько, являвшийся агентом немецкой и польской разведки, касаясь антисоветской деятельности управлений национал-фашистской организации, одним из руководителей которой он являлся, показал:

«...В 1930 году относительно обсуждения в нашей организации вопроса о необходимости договориться с Польшей об оказании военной помощи повстанческому выступлению на Украине против советской власти. В результате этих переговоров с Польшей, было достигнуто соглашение и польской генеральной штаб ускорил переброску на Украину оружия, диверсантов и пелюстровских эмиссаров...»

(т. IX, л. д. 18).

И далее:

«В конце 1932 года я, на почве моей националистической работы, вступил в изменнический союз с г-ном Н. Мы встречались с ним в моем служебном кабинете, куда г-н Н. являлся по делам германской консульства...»

Во второй половине 1933 года г-н Н. мне прямо сказал, что германские фашисты хотят сотрудничать с управленческими националистами по украинскому вопросу. Я ответил г-ну Н. согласием на сотрудничество. В дальнейшем, на протяжении 1933—1934 гг. у меня было несколько встреч с г-ном Н., а перед его отъездом из СССР он связал меня с г-ном Н., с которым я продолжал свои изменнические сношения...»

(т. IX, л. д. 286 об.).

Другой участник антисоветского заговора и один из руководителей националистической организации в Узбекистане обвиняемый Икрамов показал:

«Перед нами постоянно возникал вопрос о необходимости ориентироваться на одно из сильных европейских государств, которое оказало бы нам непосредственную помощь в момент вооруженной борьбы против советской власти...»

(т. XII, л. д. 59, 60).

«...Некоторые члены л.-р. организации считали Англию наиболее реальной в деле оказания помощи нам, так как она страна молния и сможет с достаточной силой поддержать нас в момент непосредственной вооруженной борьбы...»

(т. XII, л. д. 60).

Обвиняемый Шарангович, агент польской разведки и один из руководителей антисоветской организации белорусских национал-фашистов признал, что эта организация вела свою подпольную работу не только по указаниям правых и «право-троцкистского блока», но и по директивам польской разведки.

По этому поводу обвиняемый Шарангович показал:

«В этом периоде (1933 г.) складывались какие-либо разномыслия между правыми, троцкистами и национал-фашистами. Все мы ставили перед собой одну задачу — задачу борьбы с советской властью любыми методами, включая террор, диверсию и вредительство. Конечной целью всех этих трех направлений, действовавших на территории националистической республики, было отторжение Белоруссии от Советского Союза и создание «независимого» буферного государства, которое, несомненно, являлось бы центром в руках Польши и Германии...»

(т. XIV, л. д. 27).

И далее:

«Несмотря на то, что директивы, получаемые нами, исходили, с одной стороны, из Москвы, от центра правых и троцкистов, а с другой стороны, из Варшавы — от польских... кругов, являлось различие в их содержании: не было, они были разные и нами воспринимались в разном...»

(т. XIV, л. д. 31).

Обвиняемый Рыков неоднократно подчеркивал наличие изменнической связи правых с фашистской Польшей, показал:

«...Группа участников организации правых, в соответствии с указаниями

центра правых и моими личными указаниями, в целях осуществления наших заговорщических, изменнических планов установила связь с фашистской Польшей, с польскими разведывательными органами в частности...»

(т. I, л. д. 118).

Говоря далее о планах отторжения от СССР Белоруссии, обвиняемый Рыков показал:

«Общая формула, на которой мы тогда сошлись, сводилась к тому, что в переговорах с поляками... мы пойдем на отторжение от СССР Белорусской советской республики, на создание «независимой» Белоруссии под протекторатом Польши...»

(т. I, л. д. 119).

Как установлено следствием, вся преступная деятельность входившей в «право-троцкистский блок» антисоветской группы правых доказывает, что правые были такой же агентурой иностранных генштабов, как и другие участники этого заговора.

Одни из правых — непосредственно, другие через своих сообщников также были связаны с разведками иностранных государств, на помощь которых в своей борьбе против советской власти они только и рассчитывали.

Обвиняемый Бухарин был в курсе переговоров Л. Троцкого с немецкими фашистами и так же, как и Л. Троцкий, подготовил поражение СССР и отторжение от СССР Украины, Белоруссии, Приморья, Грузии, Армении, Азербайджана и Средне-Азиатских республик.

Это признал полностью обвиняемый Бухарин, показавший следующее:

«В то время, когда Троцкий вел переговоры с немецкими фашистами и общал им территориальные уступки, мы, правые, уже были в блоке с троцкистами. Радем мне говорил, что Троцкий считает основным планом отторжения блока и власти поражение СССР в войне с Германией и Японией и предполагал после этого поражения отдать Германию Украину, а Японии — Дальний Восток. Радем мне сообщил об этом в 1934 году...»

(т. V, л. д. 107).

По этому поводу обвиняемый Ф. Ходжаев на следствии показал:

«Бухарин указал, что Узбекистан и Туркмения должны быть отторгнуты от СССР и существовать под протекторатом Японии и Германии, но что при этом не удастся обойти и Англию и потому надо пойти на завышениям связей с англичанами. Реальное всего стало вопрос о протекторате Англии и потому ушор был взят на нее...»

(т. XII, л. д. 89—89 об.).

Показания обвиняемого Ф. Ходжаева находит себе полное подтверждение и в других материалах следственного производства, полностью изобличающих порождающую линию «право-троцкистского блока».

Так, обвиняемый Рыков по этому вопросу показал:

«Что же касается нашей порождающей позиции, то и ее Бухарин полностью разделял и высказывался за эту позицию еще более резко, чем мы. В частности, именно он внес предложение в формулировку ицене оторытия фронта лемента в случае войны...»

(т. I, л. д. 152).

Характеризуя свое отношение к этому вопросу, обвиняемый Рыков показал:

«Как и другие члены центра правых я был осведомлен об изменнических переговорах представителей нашей к.-р. организации с германскими фашистами, поддержку которых мы искали. Естественно, что такая поддержка была связана с необходимостью уступок германским фашистам, на что мы и шли...»

(т. I, л. д. 151 об.).

Такова была шпионская и порождающая работа «право-троцкистского блока», этих изменников, продававших иностранным разведкам советские государственные тайны, торгованных свободой народов СССР, независимостью и неприкосновенностью социалистического государства рабочих и крестьян.

Осуществляя свои преступные замыслы, антисоветские заговорщики, по прямым директивам иностранных фашистских разведок, организовали в отдельных республиках, краях и областях Советского Союза разветвленную сеть диверсионных и вредительских гнезд, охватив ими ряд предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и системы товарооборота.

Заключив соглашение с фашистскими агентами в предательском отрывании армией фашистских государств наших фронтов в время войны, участники право-троцкистского заговора готовили подрыв материально-технической базы Красной Армии — оборонной промышленности.

Рядом подготовляемых ими разрушительных диверсионных действий заговорщики рассчитывали во время войны взорвать и уничтожить решающие оборонные предприятия нашей социалистической родины. Они подготовляли также проведение крупных железнодорожных воинских поездов с массовыми человеческими жертвами.

Они ставили своей задачей парализовать всю хозяйственную жизнь страны, питание армии и снабжение ее вооружением.

Следствием установлено, что целый ряд таких диверсионных и вредительских актов заговорщиками был уже проведен в различных отраслях народного хозяйства.

Наймит иностранных разведок, враг народа Троцкий, как это установлено следствием, в ряде своих писем и личных указаний руководящим участникам антисоветского заговора в СССР, требовал ускорения вредительской и диверсионной деятельности внутри Советского Союза.

Руководящий участник заговора — обвиняемый Крестинский показал, что ему лично в 1933 году в Мераме Л. Троцкий заявил, что —

«...ему, Троцкому, будет гораздо легче вести переговоры с немцами, если он сможет оказать им, что по линии проведения диверсионно-вредительских актов и подготовки террора действительно ведется серьезная работа...»

(т. III, л. д. 54—55).

Следствием установлено, что ряд совершенных в ДВБ диверсионных актов был подготовлен и проведен участниками антисоветского заговора по прямым директивам японских разведывательных органов и врага народа Л. Троцкого. Так, по директиве японской разведки было организовано разрушение товарного поезда с военными трупами на ст. Вологодская и на перегоне Хор-Доржикоттара поезда № 501, когда было убито 21 чел. и ранено 45 чел., по тем же указаниям, японцы были совершены диверсии на станциях № 10 и 20 в Оутане.

(см. т. XXXV, л. д. 1—14).

О таких же директивах, исходящих от Л. Троцкого, подробные показания на следствии дал обвиняемый Розенгольц, показавший следующее:

«Наряду с директивой Троцкого, полученной мною через Крестинского, о проведении во Внешторге вредительской работы, направленной на оказание прямой помощи Германии и Японии, — характер моей вредительской деятельности определялся еще указаниями... послом в СССР г-н Н. и г-н Н., связь с которыми в этом отношении сыграла крупную роль, так как мне приходилось руководствоваться в работе их конкретными указаниями...»

После установления контакта с Тухачевским и Рыковым, я известил первого через Крестинского, а последнего лично о директиве Троцкого по вредительской работе, и оба они одобрили проведение мною этой работы.

Вредительство во внешней торговле в результате всего этого было, главным образом, по следующим трем линиям: первое — экономическая помощь Германии и Японии за счет СССР; второе — нанесение экономического ущерба и вреда СССР; третье — нанесение политического ущерба СССР...»

(т. VI, л. д. 49).

По указаниям «право-троцкистского блока», обвиняемый Шарангович развернул широкое вредительство в области сельского хозяйства и промышленности БССР.

По этому поводу обвиняемый Шарангович показал:

«На местах, для практического осуществления наших вредительских замыслов, была создана сеть вредительских диверсионных групп... Все мы, начиная с руководителей организации и кончая ее рядовыми членами, являлись национал-фашистами и вели работу против советской власти, за отрыв Белоруссии от Союза ССР, не гнушались никакими способами...»

(т. XIV, л. д. 40).

Обвиняемый Чернов, связанный на протяжении ряда лет с германской разведкой в качестве ее секретного агента в СССР, также активно использовал свое высокое служебное положение в СССР для организации по заданиям германской разведки ряда диверсионно-вредительских действий в сельском хозяйстве.

Германский шпион обвиняемый Чернов о своих преступных связях с германским разведчиком корреспондентом газеты «Берлинер тагесблат» Шефером по своей вредительской работе в области сельского хозяйства показал следующее:

(Продолжение см. на 3 стр.)